

К IX МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

БЕРНШТЕЙН С. Б.

К ВОПРОСУ О ЧЛЕНЕНИИ БОЛГАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Памяти Стойко Стойкова

Последние годы своей жизни проф. Ст. Стойков много и успешно работал над проблемой членения болгарских диалектов для уяснения взаимоотношений между ними. Его интересовали вопросы современного диалектного членения и связи последнего с периодом, когда шло формирование самого болгарского народного языка. С полным основанием он полагал, что пришло время для капитального пересмотра всей проблемы в целом. «Български диалектен атлас» (I—IV, София, 1964—1981), «Атлас болгарских говоров в СССР» (М., 1958), частные лингвогеографические исследования последних трех десятилетий, публикации по топонимике дают возможность по-новому подойти к решению этой весьма сложной проблемы на основе не только фонетических и морфологических, но словообразовательных и главным образом лексических признаков.

Установление взаимоотношений между диалектами любого языка очень важно для понимания современной языковой ситуации, для выяснения общих и частных вопросов истории литературного языка, для раскрытия процесса складывания и развития народного языка на основе древних племенных диалектов. Современная диалектная карта своими наиболее архаическими чертами уходит в далекое прошлое, она может свидетельствовать о взаимоотношении древних диалектов, о территории их распространения, об их границах.

Для выяснения древнейшего диалектного членения языка необходимо располагать тремя видами источников: памятниками древней письменности, отражающими особенности древних диалектов, данными современных диалектов и топонимическими данными. Умело сопоставляя эти три вида источников, можно в той или иной степени восстановить древнейшие диалектные черты и определить основные диалектные группы и их взаимоотношение. Для разных языков соотношение указанных трех источников будет неодинаковым. Для болгарского языка весьма значительным и определяющим будет второй вид источников, так как до наших дней дошло очень мало памятников древней болгарской письменности, выразительных в диалектном отношении. В ином положении находится историк русского языка, в распоряжении которого имеется большое число грамот, частных писем, приходно-расходных монастырских, церковных и частных книг, юридических документов, завещаний, писцовых книг и т. д. Конечно, и в данном случае велика роль тех фактов, которые содержатся в диалектах.

Перенесение современных изоглосс в прошлое, особенно далекое прошлое, является весьма delicateй операцией. Здесь возможна модернизация, нарушение хронологии. Эта операция требует большого числа изоглосс, относящихся к звуковому и грамматическому строю языка, к словарному составу, к семантике. Рассматриваемые факты должны относиться к древнейшим эпохам истории данного языка. Обязательным условием является наличие пучка изоглосс. Чем они разнообразнее и богаче, тем надежнее будут реконструкции. На основе изолированной изоглоссы обычно серьезных выводов делать нельзя. Кроме того, необходимо учитывать всю ту сумму сведений, которую историк языка может получить в специальных исследованиях демографического характера.

Установлением диалектных признаков древнеболгарского языка занимались уже первые историки болгарского языка. В этом нет ничего удивительного, так как древнеболгарский язык характеризовался «поразительным диалектическим расчленением» [1]. Однако это утверждение московского слависта было скорее следствием интуиции, нежели результатом конкретных наблюдений. В ту пору имелось еще очень мало фактов, на основе которых утверждение В. Н. Щепкина можно было бы проиллюстрировать большим числом примеров из разных областей фонетики, грамматики или лексики. Фактически речь шла главным образом о различной судьбе сверхкратких *ъ*, *ь* в «сильной» позиции, о характере произношения *ѣ* и некот. др. Были выявлены некоторые устойчивые признаки, которые давали возможность в ряде случаев безошибочно разграничить рукописи Охридской и Преславской орфографических школ.

Со времени публикации «Очерка путешествия по Европейской Турции» В. И. Григоровича (1848 г.) в болгаристике прочно утвердилось членение болгарских диалектов на две, существенно различающихся по своим размерам, зоны: восточноболгарскую и западноболгарскую. Основным признаком их разграничения служило произношение звука *ѣ*. В западной зоне *ѣ* во всех позициях изменился в гласный *e*, в восточной в определенных позициях в *'a-e* или в *ä*, т. е. в широкий гласный *e*, приближающийся к *a*. Болгарские диалектологи этот звук теперь обозначают *ѣ*. Уже первые диалектологи определили границу западного и восточного произношения *ѣ*: от г. Никополя на Дунае она идет на юг извилистой линией до Пазарджика, затем резко поворачивает на запад к Разлогу. В дальнейшем вносились различные уточнения, исправления. Справедливо указывалось на то, что в результате лексикализации этого фонетического признака четкая в прошлом граница в настоящее время в достаточной степени уже размыта. Теперь принято говорить не о границе, а о широкой полосе, на которой наблюдаем взаимодействие западных и восточных признаков. Однако общее направление изоглоссы, установленное еще первыми диалектологами, выдержало испытание временем (прежде всего от Никополя до Пазарджика).

Серьезное и систематическое изучение болгарских диалектов началось в последние годы XIX в. Связано оно с именами Л. Милетича и Б. Цонева. Оба не ограничивались лишь описанием отдельных говоров, но ставили перед собою задачи более общего характера, в частности, пытались решать проблему группировки говоров. Признавая основательность главного классификационного признака (произношение *ѣ*), Милетич, вслед за В. И. Григоровичем и К. Иречком, стремился показать, что западные и восточные говоры Болгарии отличаются между собой не только по произношению *ѣ*, но и рядом других признаков. В главе «Allgemeine Charakteristik des Ostbulgarischen» своего капитального труда «Das Ostbulgarische» (Wien, 1903) он пытался расширить круг тех классификационных признаков, которые вместе с произношением *ѣ* делят всю болгарскую языковую территорию на западную и восточную. В свое время Григорович указал шесть языковых признаков, подтверждающих членение говоров по признаку *ѣ* [2]. Милетич обратил внимание на одиннадцать диалектных особенностей, которые, по мнению автора, в той или иной степени совпадают с основным классификационным признаком (т. е. с характером произношения *ѣ*). На первое место Милетич поставил редукцию безударных гласных в восточных говорах и отсутствие редукции в западных. Затем в перечне признаков идут совпадение безударных *ж* и *ъ* в восточных и отсутствие этого явления в западных, сохранение восточными говорами ударного *ъ* и переход его в *o* в западных говорах, совпадение в восточных рефлексов *л* и *ж* и отсутствие этого явления в западных говорах, наличие в восточных говорах особого типа редуцированного *e* (*'ъ*) и отсутствие его в западных. Затем Милетич обратил внимание на характерную особенность многих восточных говоров: изменение исконного *a* в случаях типа *жаба* — *жеби*, *шапка* — *шепки* и под. Не прошел Милетич и мимо такой важной черты, как степень смягчения согласных: восточный консонантизм характеризуется большей степенью палатальности, нежели западный. К восьмому

признаку Милетич отнес различную судьбу праславянских сочетаний *tj* и *dj*. К девятому, вслед за Григоровичем, он причислил судьбу флексий 1-го л. ед. ч. настоящего времени. В восточных говорах глаголы первого и второго спряжения имеют гласную, восходящую к ж, тогда как в западных глаголы всех трех спряжений представляют обобщение на флексию нетематических глаголов. Десятый признак, по Милетичу, — сохранение в восточных говорах сокращенного инфинитива типа *недей вика* и полное исчезновение инфинитива в западных говорах. К последнему классификационному признаку Милетич отнес ударение: в восточных говорах ударение консервативнее, нежели в западных.

Самым решительным образом против классификационной схемы Милетича выступил Б. Цонев. По его мнению, только *ѣ* может служить надежным признаком членения болгарских диалектов на восточные и западные. «Нет других отличий между двумя частями болгарских диалектов, кроме *ѣ*» [3]. В данном случае болгарский ученый имел в виду, конечно, не отдельные диалектные отличия, а лишь черты, которые могут служить классификационными признаками. Анализируя пункт за пунктом все доказательства Милетича, Цонев показывает, что далеко не все восточные признаки Милетича охватывают в с ю территорию Восточной Болгарии, что по некоторым чертам часть так называемых восточных говоров объединена не с другими восточными, а с западными говорами. Касаясь первого признака Милетича, Цонев справедливо указывает, что редукция безударных *a, o, e* прежде всего характерна для северо-восточного диалекта. В большинстве юго-восточных говоров редукции нет или она проведена слабо и непоследовательно. И по ряду других признаков юго-восточные говоры отличаются от северо-восточных и приближаются к западным (например, по судьбе флексии 1-го л. ед. ч. настоящего времени в глаголах первого и второго спряжений). Из всех этих наблюдений Цонев, однако, не сделал очень важного вывода: признаки, предложенные Милетичем, в ряде случаев справедливы, но только для отграничения западного диалекта от северо-восточного. Это обстоятельство через много лет отметил Ст. Стойков. «Нельзя сказать, что отмеченные Милетичем особенности характерны для всех восточных говоров, потому что действительно они не встречаются во всех и потому, что их границы не совпадают с границей *ѣ*. Однако в той или иной степени они характерны для большинства восточных говоров. Цонев не прав, когда их полностью отвергает» [4, с. 65]. Опубликованный «Български диалектен атлас» хорошо показывает, что северные говоры Болгарии более четко и определенно членятся на западные и восточные, нежели южные говоры. Традиционные фракийские говоры, свободные в той или иной степени от влияния балканских говоров, во многом тяготеют к западным говорам. Именно это обстоятельство ослабило силу критических аргументов Цонева против Милетича. Если мы ограничимся лишь сопоставлением северо-восточных говоров с западными, то многие подмеченные Милетичем признаки в той или иной степени будут совпадать с изоглоссой *ѣ*. Здесь проходила в прошлом глубокая и устойчивая граница. Такой границы к югу от Пазарджика не существовало.

В «Das Ostbulgarische» специальная глава посвящена классификации диалектов Восточной Болгарии. Здесь в основу классификации Милетич положил морфологический признак — членную форму муж. р. ед. ч. По этому признаку восточные диалекты делятся на северные (так называемый *o*-диалект) и южные (так называемый *ѣ*-диалект). Согласно этому признаку Милетич объединил все балканские говоры с фракийскими (*ѣ*-диалект) и противопоставил их мизийским (*o*-диалект). Уже давно Цонев показал полную произвольность данного классификационного признака. Без особого труда в самом *o*-диалекте Цонев обнаружил многие особенности южного происхождения. Еще во время работы над «Атласом болгарских говоров в СССР» нам стала очевидна несостоятельность классификации диалектов Восточной Болгарии по членной форме муж. р. ед. ч. Отвергая вслед за Цоневым данную классификацию, Стойков писал: «Б. Цонев отверг эту особенность как классификационный признак и он прав, как это показали последние изучения болгарских говоров в пределах Совет-

ского Союза, где встречаются балканские говоры с членной формой -о» [4, с. 69—70].

Вместо классификации Милетича Цонев предложил свою группировку всех восточных диалектов. И в этом случае Цонев избрал судьбу *ѣ*. Схематично всю болгарскую территорию по произношению *ѣ* он представил следующим образом: западноболгарский диалект — во всех позициях на месте *ѣ* находим гласный *e*, т. е. чередование гласных отсутствует, северо-восточный диалект представляет на месте *ѣ* чередование *'a/e* в зависимости от ударения и твердости или мягкости последующего согласного, юго-восточный диалект — чередование отсутствует, так как на месте *ѣ* находим *a* или *ä* во всех позициях. Автор представил это в следующем виде: *лето* — *летен*, *лято* — *летен*, *лято* — *лятен*. Под последним может скрываться как *л'äто* — *л'äтен*, так и *л'äто* — *л'äтен*. Как показали следующие исследования, подлинная картина значительно более сложная [5, с. 313—332]. Однако для наших целей в данном случае можно ограничиться схемой Цонева.

В результате собственных наблюдений Цонев установил изоглоссную линию, которая отделяет все балканские и мизийские говоры от фрако-родопских. «Граница между северо-восточными и юго-восточными говорами совпадает с племенной границей т. н. рупцов или рупалав», — пишет Цонев [3, с. 307]. Установленная им изоглосса шла волнистой линией с небольшими отклонениями на юг и на север от Пазарджика до Бургаса.

До начала интенсивного изучения болгарских говоров, главным образом в связи с работой над диалектологическим атласом, группировка по признаку произношения *ѣ* не вызывала сомнений. Об этом, между прочим, свидетельствует карта, приложенная к книге Ст. Стойкова «Българска диалектология за първи курс на учителските институти», опубликованная в Софии в 1955 г., т. е. за год до начала работы над «Български диалектен атлас». Здесь показано, что изоглосса идет от Пазарджика, минуя Пловдив, Чирпан, Елхово и доходит до Черного моря южнее Бургаса. Эту же изоглоссу *ѣ* от Пазарджика до Бургаса Стойков указывает даже в первом издании своего труда «Българска диалектология» (1962). Она дана на карте № 1. Мы все исходили из реальности изоглоссы Цонева, из того положения, что к северо-восточному диалекту относятся балканские и мизийские говоры, а к юго-восточному фракийские и родопские говоры. Не вызвала она сомнений и у Ст. Младенова, который по этому поводу писал: «А юго-восточные болгарские говоры во Фракии и во всей Родопской области сравнительно хорошо сохраняют якавское произношение староболгарского *ѣ* вне зависимости от последующего звука или ударения» [6].

Изучение юго-восточных говоров по программе «Български диалектен атлас» в 1956—1959 гг. совершенно неожиданно не подтвердило наблюдений Цонева. Установленная им изоглосса теперь идет иначе. Якавское произношение (т. е. *л'äто* — *л'äтен*) теперь было обнаружено на сравнительно незначительной территории, возле южной границы Болгарии. Лишь к северу от Харманли и к западу от Тополовграда в селах Опан, Странско. Бяло поле, Диня, Дълъгнево, Гълъбово, Д. Бельово и др. изоглосса нечередующегося *ѣ* длинным и узким языком протянулось далеко на северо-запад. К востоку от Елхово изоглосса поднимается до села Зорница (самый северный пункт). Новые наблюдения были столь неожиданными, что Стойков даже поставил вообще под сомнение истинность наблюдений Цонева. «Невозможно, чтобы за столетие якавский тип произношения *ѣ* перед мягким слогом изменился в екавский» [7, с. 110]. В статье «Ятовият преглас в български език» Стойков решительно утверждает, что «не существует указанной Б. Цоневым второй границы *ѣ*» [8]. Специально изоглосса Цонева была исследована участницей диалектологических экспедиций Т. В. Поповой. На составленной ею карте видно, что в большинстве сел Хасковской, Первомайской, Димитровградской, Елховской и Грудовской околий, даже во многих селах Ивайловградской околии якавское произношение *ѣ* теперь не известно. В отличие от Стойкова Попова не выражает сомнения в подлинности наблюдений Цонева. «Вполне возможно, что причина этого (т. е. расхождений между сообщением Цонев

и наблюдениями участников работы над атласом.— Б. С.) кроется в тех изменениях, которые претерпели рассматриваемые говоры за последнее время» [9]. Я твердо убежден именно в этом. Для этого имеется ряд оснований. Рассмотрим их.

1. Как показывает карта Поповой, и в настоящее время произношение *ѣ* как *a* или *ä* перед мягким согласным известно многим говорам Южной Болгарии. Однако оно здесь сильно отступило не только под воздействием северо-восточных говоров, но и в результате влияния литературной нормы. Учителя в сельских школах особое внимание уделяют устранению этого диалектного признака, неприятного не только носителям литературной нормы, но и западным и северо-восточным говорам. Произношение *лятен, недяля, вряме, бяше, дяя, къдя* и под. принадлежит к тем диалектным признакам, которые легко обнаруживают люди, даже не имеющие специальной фонетической подготовки (в отличие, например, от редукции безударных гласных или степени мягкости согласных перед гласными *e*). Мужское население стремилось преодолеть этот диалектизм в армии.

2. Значительно лучше яковское произношение сохранилось в тех болгарских селах, которые расположены на территории Турции и Греции. Здесь отсутствует контакт с екавскими говорами и нет воздействия литературной нормы. О наблюдениях Ст. Младенова речь шла уже выше. Их подтверждают и более поздние наблюдения, хотя и на данной территории фиксируется немало вариантов. В исследовании Т. Бояджијева «Говорът на село Съчанли, Гюмюрджинско» (София, 1972) на месте *ѣ* обычно находим или последовательное яковское произношение или слабую степень чередования — *a/ä*.

3. Для решения вопроса очень важны данные языка болгар Бессарабии и Северного Причерноморья. Среди болгар СССР самое большое место занимают переселенцы из района Балкан и из Фракии. Они поселились здесь еще в первой половине XIX в. [10]. Самым ярким и отличительным признаком фракийских переселенцев является произношение *бяше, лятен, смяшно, невяста, къдя, дяя* и под. Об этом скажет каждый наблюдательный болгарин из села, в котором живут балканские переселенцы. Различие в произношении особенно чувствуется в селах со смешанным населением. До 1938 г. в болгарских селах СССР преподавание велось на родном языке. В организации преподавания большую помощь оказывали представители многочисленной в те годы болгарской эмиграции. Учителей для болгарских школ готовил болгарский сектор Одесского педагогического института, прежде всего кафедра болгарского языка и литературы. Среди студентов было немало лиц из фракийских сел. Многие из них в школе плохо усваивали литературное произношение. Члены кафедры вели большую работу по исправлению их диалектного произношения. Уже на втором курсе студенты, как правило, хорошо усваивали чередование *лято—летен, грях—грешка, бях—беше, смях—смешно*, переходили на екавское произношение в словах типа *невеста, време, нещо, добре* и т. д. Студенты сами активно стремились перейти к нормированному произношению, так как их речь в данном пункте представлялась непрестижной даже самим студентам. Все сказанное дает нам полное основание отнестись с доверием к наблюдениям Цонева.

В каждой диалектной системе имеются устойчивые и неустойчивые элементы. Эти различия наблюдаются на всех уровнях, в частности, и в фонетике. Неустойчивые черты могут изменяться в сравнительно короткое время, так как они легко поддаются влиянию соседних говоров и не оказывают упорного сопротивления воздействию норм литературного языка. К таким неустойчивым элементам диалектной системы относится фонема *ä* на месте *ѣ*. В одних случаях находим чередование *a/ä* (*ä* сохраняется только перед мягкими согласными), в других всюду будет *a*, в третьих, наконец, утверждается балканское чередование *a/e*. Нет сомнений, что в прошлом от Пазарджика до Бургаса шла граница, отделяющая юго-восточные говоры от северо-восточных. Важнейшим признаком являлось произношение *ѣ*. К северу от границы на месте *ѣ* суще-

ствовало чередование 'a//e, к югу чередование отсутствовало. Здесь наиболее архаичным признаком является 'ä, который употреблялся во всех фонетических позициях. Таким образом, юго-восточные говоры в данном случае типологически ближе к западным говорам, нежели к северо-восточным, так как их наиболее архаическая структура также не знала чередования.

«Български диалектен атлас» на многих картах хорошо показывает, что влияние северо-восточных говоров на фрако-родопскую группу говоров охватывает многие явления языка, что оно продолжается активно и в настоящее время. Наиболее подверженной влиянию балканских говоров является равнинная часть, Фракия. Лучше сохраняются исконные черты диалекта данного региона в горных районах Странджи и Родоп. На многих картах атласа балканские говоры отдельными своими чертами как бы разрезают острым клином юго-восточные говоры. Так называемый «загорский клин» на многих картах атласа четко, конечно, по-разному, обособляет говоры горных районов друг от друга. Наступление балканских говоров на юго-восточные говоры идет мощно. Процесс этот старый, и он в своей основе отнюдь не объясняется только влиянием норм литературного языка. Последние лишь ускорили этот процесс, сделали его в последние сто лет более интенсивным.

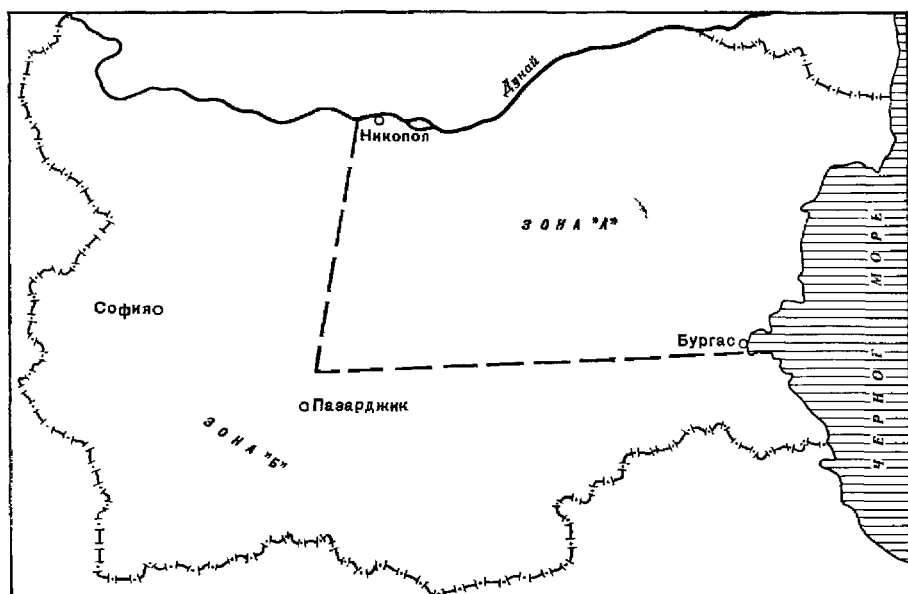
Уже давно специалисты по болгарской диалектологии обнаружили в говорах Странджи так называемые «западноболгарские» особенности. Карты атласа не только подтвердили прежние наблюдения, но и показали территорию их распространения. Увеличился и список «западноболгаризмов». Обычно принято было объяснять все эти факты влиянием языка болгарских переселенцев из различных районов Западной Болгарии, хотя никаких надежных исторических свидетельств о массовых переселениях сюда не сохранилось. Переселенцы из Западной Болгарии известны в районе Странджи. Они четко отличаются от местных жителей. Коренное население именует их тронками. Отдельные группы западноболгарских переселенцев встречаются и в других районах Юго-Восточной Болгарии. В языковом отношении они все в той или иной степени представляют чужеродный элемент. Никакой связи между их диалектными особенностями и так называемыми местными «западноболгаризмами» нет. Против старого предположения о переселении свидетельствует и сам характер изоглосс. Достаточно познакомиться с картой № 75 первого тома. Карта посвящена произношению сочетаний чер- в словах типа черен, червен, червей. Она хорошо показывает, что так называемое «западноболгарское» произношение с начальным цър- (цървен и др.) является, бесспорно, здесь своим, исконным. Эта древняя черта юго-восточных говоров, которая на территории юго-западных говоров прерывается восточными родопскими говорами, где находим черен и под. Западородопские говоры уже вместе со всеми западными говорами вновь представляют цървен (см. карту № 95 второго тома). Нет сомнений, что в прошлом вся Южная Болгария вместе с Западной знала цървен. «Загорский клин» (от Марицы до Тунджи) рассек единую территорию сравнительно поздно. Труднее объяснить червен в восточнородопских говорах. К таким же своим, старым особенностям принадлежит и личное местоимение 1-го л. ед. ч. И в данном случае исконной для юго-восточной территории является «западноболгарское» я. Это же местоимение находится и в родопских говорах (см. карту № 160 в первом томе и карту № 184 в третьем томе).

На близость южных говоров Болгарии к западным болгаристы обратили внимание еще в 30-х годах XX в. На II Международном съезде славистов в 1934 г. в Варшаве Хр. Кодов в докладе «Тракийските говори като преход между източнобългарските и македонски» [11] решительно утверждал, что лексические особенности фракийских говоров, связывающие их с западными и противопоставляющие северо-восточным, являются не заимствованными, как думал Цонев, а за ним многие болгаристы, а местными, «спонтанными». Более обстоятельно этот вопрос затронул К. Мирчев в монографии «Неврокопският говор» (София, 1936). В изученном говоре, по судьбе ъ относящемся к юго-восточным говорам, болгарский уче-

ный обнаружил целый ряд лексем, хорошо известных южным и западным говорам Болгарии, но отсутствующих в говорах северо-восточной Болгарии. «Многие из них несут явные следы древности», — пишет Мирчев [12]. Список Мирчева включал 39 лексем. Автор хорошо отдавал себе отчет в том, что будущие лингвогеографические исследования смогут внести те или иные коррективы. Следует отметить, что они внесли мало изменений, но много существенных дополнений.

Все классификационные критерии в диалектологии устанавливались главным образом на основе фонетических признаков. Считалось, что именно звуковой строй языка является наиболее устойчивым и консервативным. Грамматические признаки казались менее надежными, а лексические отвергались полностью. По этому поводу Цонев писал: «Та лингвистическая классификация будет иметь более твердые основания и большее научное значение, которая базируется на фонетических различиях. Только в случае, когда отсутствуют нужные фонетические признаки, можно прибегнуть к формальным» [3, с. 200]. О возможности использования для классификации диалектов или говоров лексических признаков Цонев даже не упоминает. Новая страница в истории болгарской диалектологии связана с именем Ст. Стойкова, основоположника лингвистической географии в Болгарии. Еще до начала работы над болгарским диалектологическим атласом он осуществил ряд интересных начинаний, важных как для теории лингвистической географии, так и для болгарской диалектологии. Во время работы над первым томом атласа многие из мыслей Стойкова получили подтверждение, много было обнаружено новых фактов. Самое существенное и важное состоит в том, что Стойков показал, что и лексические признаки очень устойчивы, что они могут служить надежным основанием для установления древних диалектных границ. После завершения работы над первым томом атласа он приступил к изучению вопроса о древнем диалектном членении болгарского языка на основе как старых, так и всех новых материалов. Первый набросок будущей, к сожалению, незавершенной работы был доложен и обсужден на V Международном съезде славистов в Софии в 1963 г.

В докладе «Основното диалектно деление на български език» Стойков предложил новую классификацию болгарских диалектов. Впервые диалектолог получил возможность строить гипотезы на основе богатейшего материала из большого числа пунктов, обследованных по единой программе квалифицированными диалектологами. Его предшественники устанавливали характер и направление изоглосса по личным наблюдениям, которые, естественно, не могли охватывать большого числа пунктов. Теперь в распоряжении ученого были карты болгарского диалектологического атласа с густой сеткой обследования, карты из многих специальных исследований лингвогеографического характера. В таких благоприятных условиях можно было уже уверенно выбрать нужные признаки членения современных диалектов и на более прочной основе строить гипотезы о диалектном членении древнеболгарского языка. В докладе Стойков предложил пять карт, содержащих 27 лексических, морфологических, акцентных и фонетических изоглосса. Направление изоглосса дало возможность докладчику прийти к очень важным выводам. Главный вывод состоит в том, что древнеболгарский язык искони на Балканах имел два основных диалекта. Один занимал территорию современной Северо-Восточной Болгарии, другой Западной и Юго-Восточной. Первый диалект Стойков назвал *центральным*, второй — *периферийным*. «Из всего сказанного до сих пор очевидно, что установленные две основные диалектные области болгарского языка — центральная и периферийная — очень древние. Они дают интересные материалы относительно генезиса болгарского языка и болгарского народа. Можно предположить, что в северо-восточных болгарских землях поселились одни болгарские славянские племена, а в западных и южных другие. Можно думать, что на Балканский полуостров они пришли в разное время» [7, с. 313]. По мнению Стойкова, славянские племена в Северо-Восточной Болгарии вместе с булгарами Аспаруха основали Болгарское государство. Здесь находилось самое

активное в языковом и этническом отношении население. Именно здесь шел процесс формирования важнейших отличительных особенностей болгарского языка. «Некоторые языковые особенности северо-восточных племен постепенно расширялись по мере консолидации болгарской народности» [7, с. 313]. Именно поэтому северо-восточный диалект Стойков назвал центральным.

При оценке доклада Стойкова необходимо отделить бесспорное от гипотетического. В настоящее время можно считать бесспорным, что южные говоры Болгарии вместе с западными говорами в прошлом составляли один диалект. Его восточная и северо-восточная границы шли от Никополя до Пазарджика, от Пазарджика до Бургаса. Носители этого диалекта заселили многие земли на Балканском полуострове за пределами современной Болгарии. Конечно, этот диалект не представлял полного единства даже в догосударственный период. Об этом могут свидетельствовать центральные родопские говоры. Я полностью разделяю утверждение Стойкова, что именно северо-восточный диалект (по терминологии Стойкова, центральный) играл определяющую роль в формировании главных отличительных признаков современного болгарского языка. Однако я не стал бы его называть центральным. При современном состоянии наших знаний целесообразнее пользоваться более нейтральными терминами (например, вместо центральный диалект — зона А, вместо периферийный — зона Б).

После смерти Стойкова работу по выявлению классификационных признаков болгарских диалектов продолжает его ученик, М. Младенов. За последнее десятилетие он опубликовал много статей о членении диалектов на основе картографирования различных лексем. Все они в той или иной степени подтверждают схему Стойкова. Младенов обратился к картографированию семантических признаков. В этом отношении большой интерес представляет его карта, посвященная картографированию семантики глагола *чувам*, опубликованная в сборнике «В памет на професор Стойко Стойков» [13]. В болгарском литературном языке существует глагол *чувам* в значении «слышать; слушать». В этом же значении глагол употребляется в говорах северо-восточного диалекта. Однако в Западной и Южной Болгарии этот же глагол имеет значение «беречь, хранить». Лишь в районе между Елхово и Грудово «загорский клин» рассекает единую территорию, отделяя говоры Странджи от других южных говоров.

Уже накоплен богатый материал, подтверждающий членение болгарских диалектов на зону А и зону Б. Однако исследования должны продолжаться как за счет увеличения все новых и новых признаков, так и

более точной и надежной их стратификации. В этом направлении предстоит еще большая работа, без которой создание будущей капитальной «Истории болгарского языка» не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щепкин В. Н.* Болонская псалтырь. СПб., 1906, с. IV.
2. *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, с. 164—165.
3. *Цонев Б.* История на българский език. Т. III. София, 1937, с. 214.
4. *Стойков Ст.* Българска диалектология. 2-о изд. София, 1968, с. 65.
5. *Цонев Б.* История на българский език. 2-о изд. Т. I. София, 1940.
6. *Младенов Ст.* Принос към изучаване на българските говори в Източна и Западна Тракия. — В кн.: Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. II. Език, София, 1936, с. 16.
7. *Стойков Ст.* Основното диалектно деление на български език. — В кн.: Славянска филология. Т. III. София, 1963.
8. *Стойков Ст.* Ятовият преглас в български език. — Български език, 1963, XIII, кв. 4—5, с. 317.
9. *Попова Т. В.* О границе «южного типа произношения ъ». — В кн.: Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 10. М., 1962.
10. *Бернштейн С. Б.* Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII—XIX веках. — Советское славяноведение, 1982, № 1.
11. *Кодов Хр.* Тракийските говори като преход между източнобългарските и македонски. — In: Księga referatów. II międzynarodowy zjazd slawistów. Ser 1. Językoznawstwo. Warszawa, 1934, s. 54—55.
12. *Мирчев К.* Неврокопският говор. София, 1936, с. 117.
13. *Младенов М. Сл.* Една лексико-семантична изоглоса в българския език: *чувам* «слушам»/чувам «визая, отглеждам». — В кн.: В помет на професор Стойко Стойков (1912—1969). Езиковедски изследвания. София, 1974, с. 323.